

ВИОЛОНЧЕЛИСТ АЛЕКСАНДР ОРАТОВСКИЙ ИГРАЕТ ЕВРЕЙСКУЮ МУЗЫКУ

(статья Абрама Юсфина, профессора С.-Петербургского еврейского университета, композитора и музыковеда)

Не так давно я проезжал по местечкам Украины, видел следы былой еврейской жизни, слышал немногих оставшихся в живых после минувшей войны, записывал их трагические воспоминания, их песни и танцы. И ещё раз убедился в том, что дух народа, его воля к жизни – непобедимы и неуничтожимы.

Слушая еврейскую музыку – такую разную и такую национально узнаваемую – в исполнении замечательного виолончелиста Александра Оратовского, я невольно вспоминал мою недавнюю поездку: почти бесследно исчезнувший микрокосм еврейского бытия воссоздавался музыкантом во всей полноте и многокрасочности.

Но вспоминал я не только своё путешествие по Украине. Мне было что вспомнить.

Я уже давно живу на свете. Мне суждено было видеть и последние искры угасающей еврейской жизни перед Второй мировой войной, и катастрофу мирового еврейства, почувствовать на себе последствия антисемитских процессов и побывать «безродным космополитом», наблюдать первые ростки возрождения народа, его национальной жизни, его культуры. И быть с теми, кто, несмотря на тупое сопротивление властей, возрождал Еврейское музыкальное общество и Еврейский университет, видеть счастливые глаза первых его студентов и первых слушателей национальных концертов.

Общеизвестно, что евреи, подобно некоторым другим народам, проявляют особую склонность именно к музыке. Думаю, что это не случайно: определяющей причиной представляется лежащий в основе сущности иудаизма принцип предметной непредставимости Творца. Чисто духовное представление о Нём сформировало за многие века массовое художественное сознание внепредметного типа. И в этом смысле музыка явилась идеально адекватной формой творческой самореализации народа.

Но судьба еврейской музыки сложилась так, что только в конце XIX века в России, где в то время жило 70% всех евреев мира, появились необходимые предпосылки для формирования еврейской композиторской школы. Основатель Петербургской консерватории Антон Рубинштейн, вопреки существовавшей в то время в России «процентной норме» для евреев, поступавших в высшие учебные заведения, сумел добиться её отмены для консерватории. Благодаря этому в начале XX в. в России появились профессиональные композиторы-евреи.

В 1908 году в С.-Петербурге было организовано Общество еврейской народной музыки. Его члены собирали и обрабатывали народные песни и танцы, создавали произведения в различных жанрах на национальной основе, организовывали концерты еврейской музыки. Впервые в истории еврейской культуры сложилась настоящая композиторская школа.

После революции 1917 года Общество прекратило своё существование. Всё, связанное с его деятельностью, было на долгие годы забыто. Только в конце 80-х годов стал возрождаться интерес к еврейской музыке.

В 1988 г. А. Оратовский сделал ряд обработок еврейских песен и танцев для ансамбля еврейской песни «Фрилинг» и стал его участником. После первых выступлений ансамбля А. Оратовский был представлен музыковедом М. Гольдиной родственнице одного из композиторов Петербургского общества еврейской народной музыки, Иосифа Ахрона – М. Д. Тендлер. У неё хранились ноты произведений композиторов Общества, и через самое короткое время состоялся первый концерт, в котором эти произведения были исполнены. Вступительное слово читала М. Гольдина. В том же году она опубликовала работу по истории Общества. Через некоторое время она эмигрировала в США, и вступительное слово к очередному концерту довелось читать автору этих строк.

Вскоре покинул Россию и А. Оратовский: он переехал в Голландию, где, пользуясь многочисленными материалами, привезёнными из Петербурга, подготовил программу из произведений композиторов Общества. Он стал не только их интерпретатором, но и автором содержательного и профессионально компетентного комментария к ним.

В программу вошла и моя пьеса – «Мы», построенная на полифоническом сочетании песни и танца. Слушая её в интерпретации А. Оратовского, я открыл в ней для себя много нового – того, чего как автор не предполагал в ней обнаружить: единовременный контраст двух жанров прозвучал гораздо более значительной идеей единства и противоречивости еврейского мира.

А. Оратовский проявил себя не только как исполнитель и исследователь, но и как автор очень живой и естественной обработки еврейского танца «Скочна», убедительно завершившей программу.

